

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Махрачев Г. С. Промысловая кооперация на территории Тамбовской губернии в 1920-х годах / Г. С. Махрачев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 427—444. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444.

Makhrachev, G. S. (2024). Fisheries Cooperation in Tambov Province during 1920s. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 427-444. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Промысловая кооперация на территории Тамбовской губернии в 1920-х годах

Махрачев Георгий Сергеевич
orcid.org/0000-0002-8279-243X
Scopus Author ID: 58164619600
Scopus Author ID: 58164323300
WoS ResearcherID: IZE-0621-2023
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории
и философии
mahrachova@mail.ru

Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

Fisheries Cooperation in Tambov Province during 1920s

Georgiy S. Makhrachev
orcid.org/0000-0002-8279-243X
Scopus Author ID: 58164619600
Scopus Author ID: 58164323300
WoS ResearcherID: IZE-0621-2023
PhD in History, Senior Lecturer
Department of History
and Philosophy
mahrachova@mail.ru

Derzhavin Tambov
State University
(Tambov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению опыта регионального кооперативного строительства в годы нэпа. Основное внимание было уделено раскрытию специфики объединения первичных промысловых кооперативов в союзы уездного и губернского масштабов. Автор выделил два этапа в этом процессе: 1) с 1921 по 1924 год, когда промысловая кооперация имела собственные специализированные союзы; 2) с 1924 по 1928 год, когда промысловая кооперация являлась составной частью смешанных союзов. В статье приводятся данные о составе и количестве кооперативов, задействованных в деятельности союзов. Анализируется работа союзов в условиях изменявшихся реалий: перехода от военного коммунизма к нэпу, уменьшения площади губернии, принятия постановлений XIV Всесоюзной конференции ВКП(б) и III Всесоюзного съезда советов, утверждения курса на индустриализацию. В заключение статьи делается вывод о том, что постепенное исчезновение специализированных союзов негативно повлияло на кооперативное строительство в губернии. Большинство проектов и начинаний, разработанных и организованных правлением специализированных союзов, не успели в полной мере воплотиться в жизнь. А в смешанных союзах внимание промысловой кооперации уделялось по остаточному принципу.

Ключевые слова:

нэп; промысловая кооперация; кустарно-промысловый союз; кустарь; Тамбовская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the experience of regional cooperative development during the New Economic Policy (NEP) years. It focuses on the specifics of the unification of primary fisheries cooperatives into district and provincial unions. The author identifies two stages in this process: 1) from 1921 to 1924, when fisheries cooperatives had their own specialized unions; 2) from 1924 to 1928, when fisheries cooperation became part of mixed unions. The article presents data on the composition and number of cooperatives involved in the activities of these unions. It analyzes the functioning of the unions against the backdrop of changing realities, including the transition from War Communism to NEP, reduction of the province's territory, the resolutions of the XIV All-Union Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), and the III All-Union Congress of Soviets, as well as the adoption of a course towards industrialization. In conclusion, it is asserted that the gradual disappearance of specialized unions had a detrimental effect on cooperative development in the province. Most projects and initiatives developed and organized by the leadership of specialized unions were not fully realized. In mixed unions, attention to fisheries cooperation was given only as an afterthought.

Key words:

NEP; new economic policy; fisheries cooperation; artisanal-fisheries union; artisan; Tambov Province.

УДК 94(47).084.3+94(470.326)“192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Промысловая кооперация на территории Тамбовской губернии в 1920-х годах

© Махрачев Г. С., 2024

1. Введение = Introduction

За последнюю сотню лет Российская государственность прошла уникальный путь развития. В течение более полувека все средства производства находились в государственной собственности, что аннигилировало всякую предпринимательскую инициативу. Начатые в годы перестройки реформы возродили рыночные отношения, которые, как считалось, должны были привести к скорому решению всех накопившихся в государстве экономических противоречий. Однако безапелляционная вера в силу рынка и безоговорочное равнение на западные образцы уже в скором времени привели к многочисленным кризисам и разочарованию населения. Тем не менее государство в 2000-х и 2010-х годах по инерции продолжало ориентироваться на западную экономическую модель. Сегодня, в условиях кризиса международных отношений, правительство России вырабатывает новое стратегическое направление дальнейшего развития страны, ориентируясь прежде всего на национальные интересы.

В сложившихся обстоятельствах все больше привлекает к себе внимание опыт предпринимательской деятельности поздней имперской эпохи и периода нэпа. В конце XIX — начале XX веков крестьянство стало активно практиковать кустарное производство. Одной из форм такого производства была кооперация. Выросшая из семейной формы организации труда, она объединяла не только капитал, но и трудовую деятельность. Именно поэтому после установления советской власти кооперация стала рассматриваться как главное направление для дальнейшего развития крестьянской промысловой деятельности. Новое правительство предполагало для кооперации будущее, в котором последняя будет существовать как целостная иерархическая структура. Основные усилия были направлены не только на агитацию мастеров создавать объединения, но и на организацию по всей стране многоуровневой системы этих объединений. А потому обращает на себя внимание вопрос, часто выпадавший из поля зрения историков, об организации уездных и губернских союзов,

которые служили связующим звеном между первичными и общероссийскими кооперативами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Первые работы, посвященные проблемам кооперативного строительства в годы нэпа, были написаны и опубликованы современниками. Так, Б. Р. Фромметт рассмотрел деятельность Всекопромсоюза: состав, финансовый оборот, снабжение сырьем и материалами, сотрудничество с национальными союзами [Фроммет, 1927, с. 37—47]. Примечательно, что автор обратил внимание и на гендерный аспект темы, указав на деятельность Союза елецких кружевниц — специального женского промыслового союза [Там же, с. 49]. О положительном влиянии на развитие кустарного труда социалистических соревнований промысловых союзов писал В. А. Тихомиров [Тихомиров, 1929, с. 11]. П. И. Василевский и Е. И. Шлифтейн изучили состояние кожевенных, сапожных, шорных и трикотажных промысловых кооперативов. В их труде можно найти сведения и о деятельности промысловых союзов, однако авторов интересовала преимущественно экономическая сторона вопроса: количество и стоимость произведенной продукции [Василевский и др., 1930, с. 127, 281].

В 1930—1950-х годах эта тема совсем исчезает со страниц научных публикаций. Только в 1957 году в свет выходит работа П. И. Яковлева, в которой он попытался проследить этапы эволюции промысловой кооперации во второй половине XIX — первой половине XX веков. Автор изучил декреты и постановления, принятые советской властью в отношении промысловой кооперации и ее союзов [Яковлев, 1957, с. 17—20]. В работе А. И. Бузлаевой все начинания советской власти в отношении промысловой кооперации рассматривались исключительно с положительной стороны, а сама кооперация характеризовалась как средство борьбы с частным капиталом и оппозиционными политическими силами. В этой логике союзы промысловой кооперации были представлены как наилучшая форма ведения кустарного производства [Бузлаева, 1969, с. 59, 62—63, 94]. В. П. Дмитренко, Л. Ф. Морозов и В. И. Погудин исследовали этапы внутрипартийной борьбы по вопросам кооперативного строительства. Важно, что авторы обратили внимание на резкий спад числа промысловых кооперативов и, как следствие, союзов в 1923 году [Дмитренко и др., 1978, с. 162]. В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов отметили, что наибольшие льготы предоставлялись кустарям, которые не просто были объединены в кооператив, а являлись составной частью союза [Архипов и др., 1978, с. 50].

На рубеже 1980—1990-х годов была опубликована серия статей, в которых отечественные историки попытались переосмыслить опыт нэпа. Так,

А. М. Свищев описал положительное влияние частного капитала на восстановление хозяйства и механизм его взаимодействия с государственным и кооперативным секторами экономики [Свищев, 1989, с. 13—14]. И. А. Козлов упомянул о союзах промысловой кооперации только в контексте ее насильственного огосударствления [Козлов, 1990, с. 82]. Л. Е. Файн акцентировал внимание на аннулировании советским правительством решения Всероссийского съезда промысловой кооперации о создании Всероссийского союза кустарно-промысловой кооперации в 1921 году, проиллюстрировав таким образом тезис о том, что государство постоянно стремилось сломить самостоятельность промысловой кооперации [Файн, 1994, с. 37].

В 2002 году Файн опубликовал свой фундаментальный труд, посвященный отечественной кооперации, в котором можно встретить информацию о финансовом обороте Всекопромсоюза, а также о числе союзов и кооперативов первой степени, входивших в его состав [Там же, с. 440—441]. Монография В. Г. Егорова, опубликованная в 2005 году, стала чуть ли не первой работой, отличившейся заметной объективностью в оценке происходивших событий. Например, автор опроверг тезис о том, что аннулирование решений Всероссийского съезда промысловой кооперации 1921 года было актом наступления большевиков на свободу кооперации, поскольку на съезд изначально не были приглашены представители тех союзов, члены которых лояльно относились к новой власти [Егоров, 2005, с. 221]. Также в этом труде можно найти сведения о финансовых оборотах Всекопромсоюза, о социально-имущественном положении его членов и о политике властей в его отношении [Там же, с. 240—250].

Во всех вышеобозначенных работах ученые рассматривали преимущественно деятельность Всекопромсоюза, обращаясь к региональным союзам лишь для иллюстрации редких примеров. О промысловых союзах Сибири писал А. А. Николаев. Интересным в его работе выглядит тезис о заметной роли частных в жизни не только отдельных кооперативов, но и целых союзов [Николаев, 2007, с. 243]. В монографии О. В. Ягова целых две главы посвящены выявлению организационной структуры кустарно-промысловой кооперации Поволжья [Ягов, 2008, с. 106—139]. Автор уделит внимание дискуссиям, проходившим вокруг вопроса о развитии региональных союзов, а также представил как положительные, так и отрицательные последствия деятельности этих союзов. О работе Ленинградского союза промысловой кооперации (Производсоюза) писал А. Ю. Давыдов. Причем автор не ограничился традиционным изучением численности членов союза и его финансовых оборотов, а обратился также к его повседневной жизни [Давыдов, 2011, с. 161—163]. Кроме того, региональная специфика построения союзов промысловой кооперации была отражена

в научных статьях Е. В. Бородулиной и С. А. Семиной [Бородулина, 2018; Бородулина, 2020; Семина, 2018].

И хотя в отечественной историографии уже стали появляться исследования, базирующиеся на региональном материале, не всегда тенденции, наблюдавшиеся в тех или иных губерниях, можно распространить на всю страну. Например, вывод Ягова о выделении в 1924 году промысловых кооперативов из состава смешанных союзов [Ягов, 2008, с. 120] нельзя применить к Тамбовской губернии. В данном исследовании мы подробно рассмотрели трансформацию и деятельность союзов, охватывавших промысловую кооперацию, с учетом численности ее членов. В конечном итоге такой подход позволил понять, как менялось положение промысловой кооперации в губернии в эпоху нэпа.

В ходе исследования были использованы неопубликованные документы из государственного архива Тамбовской области и государственного архива социально-политической истории Тамбовской области. Кроме того, были изученные сведения, сохранившиеся в опубликованных источниках. Это делопроизводственная документация, данные статистики, справочные издания, материалы периодики.

В основу исследования легли несколько специально-исторических методов: историко-генетический, системный и историко-сравнительный. Первый метод позволил изучить динамику изменений форм объединений промысловой кооперации. Он был необходим, поскольку, во-первых, произошло преобразование хозяйственного уклада страны от командно-административных методов управления к рыночным, во-вторых, менялись сами формы объединения промысловой кооперации. Второй метод был связан с объектом исследования — союзами промысловой кооперации, которые рассматривались в качестве действовавшей полноценной системы. Третий метод позволил сравнить положение промысловой кооперации на начальном и конечном этапе нэпа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Деятельность специализированных промысловых союзов

В первые месяцы нэпа промысловая кооперация еще оставалась в подчинении потребительской. Управление промысловыми кооперативами происходило через автономные секции, функционировавшие при потребительских союзах на всех государственных уровнях. В подавляющем большинстве случаев объединенные кустари выполняли государственные заказы, предоставлявшиеся Главкустпромом или его местными отделами.

В кооперативах велась работа по повышению производительности кустарей. Об этом свидетельствовали доклад члена коллегии Шацкого укуст-

прома Ф. И. Казьмина и последовавшая реакция властей. Казьмин обратил внимание на снижение мотивации к работе у мастеров, объединенных в укустпромсекцию, из-за плохих условий труда. Он предложил отчислять часть готовых изделий в премиальный фонд, который впоследствии служил бы источником для поощрения наиболее трудоспособных мастеров [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2241, л. 31].

Предложение было принято на совместном заседании укустпрома и укустпромсекции. В результате было установлено денежное премирование за превышение норм выработки в следующем эквиваленте: более чем на 25 % — 3 % от стоимости готовых изделий; более, чем на 50 % — 7 %; более, чем на 100 % — 12 %. Денежное поощрение было установлено и за самостоятельную добычу сырья. За добросовестное выполнение своей работы предполагалось натуральное премирование в конце месяца. Соответствующий фонд формировался из отчисления 30 % всех готовых изделий [Там же, л. 30].

В это же время встречались случаи проявления высокой степени самостоятельности укустпромсекций: она могла выходить за рамки политики местных властей. Так, Усманская укустпромсекция проигнорировала поступивший от губкустпрома заказ на выделку крупной партии валенок. Виной тому было предоставление мастерам некачественного сырья, а в некоторых случаях — и вовсе его отсутствие. В этих условиях укустпромсекция переориентировалась на выполнение заказов Воронежского губкустпрома, вероятно, предоставлявшего сырье в должном объеме. Кроме того, кооперированные мастера производили изделия для продажи на вольный рынок [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2268, л. 8].

В процессе перехода к нэпу, направленного на возрождение рыночных отношений, постепенно происходило восстановление былой промысловой активности. Стала поощряться самостоятельность как отдельных, так и кооперированных кустарей. Произошло освобождение промысловой кооперации от опеки со стороны потребительской.

1 августа 1921 года был образован Тамбовский губернский союз кустарно-промысловой кооперации (губкустпромсоюз), в который постепенно перетекли промысловые кооперативы, ранее входившие в состав упраздненной к этому моменту кустпромсекции губпотребсоюза. Губкустпромсоюз объединил уездные и районные союзы, а последние — кооперативы первой степени. По данным на 1 июля 1922 года, в состав губкустпромсоюза входили следующие союзы:

- 1) Борисоглебский союз кустарно-промысловых кооперативов, объединивший 24 первичных кооператива с 418 членом;
- 2) Кирсановский уездный кустарно-производственный союз — 13 первичных кооперативов с 361 членом;

- 3) Козловский уездный союз кустарно-производственной кооперации — 18 первичных кооперативов с 201 членом;
- 4) Лебедянский союз производственной кооперации, объединивший 12 первичных кооперативов с 272 членами;
- 5) Липецкий кустарно-производственный кооперативный союз — 12 первичных кооперативов с 126 членами;
- 6) Моршанский союз производственных кооперативов — 26 первичных кооперативов с 856 членами;
- 7) Сасовский союз производственной кооперации — 13 первичных кооперативов с 237 членами;
- 8) Спасский союз производственной кооперации («кустарьсоюз») — 18 первичных кооперативов с 356 членами;
- 9) Тамбовский уездный союз кустарно-производственной кооперации — 26 первичных кооперативов с 1 028 членами;
- 10) Темниковский союз производственной кооперации — 14 первичных кооперативов с 250 членами;
- 11) Усманский уездный союз производственной, сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации — 18 первичных кооперативов с 839 членами;
- 12) Шацкий союз кустарно-промысловой и кредитной кооперации — 11 первичных кооперативов с 298 членами;
- 13) Рассказовский районный производственный союз кооперативов — 17 первичных кооперативов с 4 951 членом. Примечательно, во-первых, то, что этот союз был зарегистрирован 23 ноября 1920 года, а все вышеуказанные — во второй половине 1921 года. Во-вторых, то, что кустари, работавшие в составе этого объединения, в отличие от своих кооперированных коллег, избежали захвата со стороны потребительской кооперации, сохранив трудовую самостоятельность. В-третьих, то, что этот союз также являлся членом губернского союза сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации (губсельскосоюза) [Краткий..., без года, с. 442].

Несложно посчитать, что 1 июля 1922 года губкустпромсоюз охватывал 222 первичных кооператива с 10 193 членами. А кустпромсекция губпотребсоюза 1 августа 1921 года, то есть в день ее преобразования в губкустпромсоюз, охватывала 551 первичный кооператив с 29 790 членами [Там же, с. 459]. Сравнив цифры за эти два года, можно сделать очевидный вывод о развале кооперативного строительства в губернии.

Частично это явление объяснялось тем, что не все кооперативы успели перейти в новую организацию. Однако в большей степени оно было обусловлено другими причинами. Около 50 % из всех учтенных 1 августа

1921 года кооперативов не имели уставов, а значит, не были официально зарегистрированы [Там же]. Некоторые впоследствии получили регистрацию и стали членами вторичных кооперативов, а остальные так и не смогли интегрироваться в новые условия. Вполне вероятно, что большинство из этих последних изначально имели лжекооперативный уклон. Причем тенденция привлекать к работе неучтенные официально кооперативы еще какое-то время сохранялась даже в годы нэпа. Об этом свидетельствовало, в частности, замечание от 30 октября 1922 года Спасскому укустпромсоюзу, исходившее от ГСНХ [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2838, л. 41].

Другая причина снижения числа учтенных промысловых кооперативов была связана со сложной экономической обстановкой в стране и изменениями в структуре власти. В 1920—1921 годах главным лоббистом интересов тамбовских мастеров был губкустпром. Однако в 1922 году этот орган власти был упразднен, в результате количество выделявшихся для кооперированных мастеров заказов, сырья и денежных средств снизилось [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2831, л. 11]. Можно встретить разные данные о степени загруженности кооперативов во второй половине 1922 года. В «Кратком обзоре деятельности ГИК и его Президиума за 1921/22 отчетный год» приводятся данные о том, что только 67 % кооперированных кустарей имели работу [Краткий..., без года, с. 459]. В неопубликованном отчете губстатбюро эта цифра значительно ниже — всего 10 % [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2831, л. 11]. При этом и губкустпромсоюз, и укустпромсоюзы были плохо осведомлены о деятельности подчиненных им кооперативов, о чем говорилось в соответствующем отчете [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2819, л. 3 об.] и свидетельствовал следующий пример. На запрос ГСНХ от 4 декабря 1921 года о темпах реализации заказа на 2 000 пар валенок губкустпромсоюз ответил, что данное поручение было передано Козловскому укустпромсоюзу и о его дальнейшей судьбе ничего не известно [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2834, л. 37]. Очевидно, что в подобных обстоятельствах кустари не видели смысла держаться за кооператив.

Руководство губкустпромсоюза прекрасно осознавало специфику problem, тормозивших процесс кооперативного строительства, а потому разрабатывало планы по их решению. Предполагалось вывести на качественно новый уровень работу инструкторов, которые должны были, во-первых, заниматься статистическим учетом кустарей, изучать технологии производства и фиксировать проблемы, с которыми в процессе работы сталкивались мастера, во-вторых, оказывать кооперативам юридическую помощь, в-третьих, консультировать местные органы власти по работе с кустарями, в-четвертых, вести соответствующую агитационную работу. Особое место в дальнейшей работе союза отводилось культурно-просветительской рабо-

те, которая должна была осуществляться через издательскую деятельность и организацию соответствующих музеев и библиотек [Краткий..., без года, с. 459—460].

Подобно вышестоящей инстанции руководство укупстпромсоюзов также пыталось вывести работу с первичными кооперативами на должный уровень. В качестве примера можно привести деятельность руководства Козловского союза. Во-первых, оно вело работу по ликвидации тех кооперативов, которые были созданы «мобилизационным порядком и жили лишь военными заказами военных учреждений, являясь по существу лишь простыми раздаточными пунктами для отдельных кустарей» [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2834, д. 18]. Во-вторых, оно поддерживало самостоятельность в кооперативах, облегчая получение необходимого для работы сырья и инструментов. В-третьих, оно оказывало помощь кооперативам при разработке хозяйственных планов работы, сырьевых и сбытовых планов, поскольку их наличие было обязательным условием для получения кредитов Госбанка.

Всем этим планам и начинаниям было не суждено реализоваться в полной мере. 4 августа 1921 года — уже в первые дни существования губкустпромсоюза — был поднят вопрос о необходимости слияния промысловой и сельскохозяйственной кооперации. Руководство губкустпромсоюза сразу же выступило против подобного развития событий. Более того, в ответ на начавшийся процесс объединения двух видов кооперации оно отправило сообщение ГСНХ с требованием разъяснения законности подобных действий [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2838, л. 6]. Однако к июлю 1922 года правление союза изменило свое мнение. В северной части губернии, издавна ориентированной на кустарную деятельность, было решено сохранить автономию промысловой кооперации; а в центральной и южной, ориентировавшейся на земледелие, — произвести слияние промысловой и сельскохозяйственной кооперации. В результате были образованы следующие союзы, которые в начале 1923 года оказались в составе Тамбовского губсельскосоюза:

1) 19 июля 1922 года был зарегистрирован Кирсановский уездный союз сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитно-производственной кооперации. 17 августа 1923 года в его состав входило 6 первичных промысловых кооператива со 140 членами [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 22, 23, 25, 25 об.];

2) 27 июля 1922 года — Лебедянский уездный союз сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитно-производственной кооперации («Сельскосоюз»). 31 августа 1923 года — 3 первичных промысловых кооператива со 122 членами [Там же, л. 28, 29];

3) 30 июля 1922 года — Липецкий районный союз сельскохозяйственной кредитно-производственной и кустарно-промышленной кооперации. 9 августа 1923 года — 9 первичных промышленных кооперативов с 91 членом [Там же, л. 30, 31];

4) 14 августа 1922 года — Моршанский уездный союз кредитных, сельскохозяйственных и кустарно-промышленных кооперативов. 14 августа 1923 года — 2 первичных промышленных кооператива со 124 членами [Там же, л. 21];

5) 14 сентября 1922 года — Борисоглебский союз кредитно-производственной и кустарно-промышленной кооперации. 28 августа 1923 года — 1 первичный промышленный кооператив с 36 членами [Там же, л. 27];

6) 22 февраля 1923 года был направлен на регистрацию устав Козловского районного производственного союза сельскохозяйственной, кустарно-промышленной и кредитной кооперации. 13 июля 1923 года — 13 первичных промышленных кооперативов со 130 членами [Там же, л. 20].

Слияние двух видов кооперации фактически привело к перетеканию уездных союзов центральной и южной части губернии из ведения губкустпромсоюза в губсельскосоюз. Это в значительной степени усложнило положение губкустпромсоюза, однако событие, которое окончательно подорвало его жизнедеятельность, было еще впереди. В течение 1923 года из состава губернии были выведены Елатомский, Спасский, Темниковский, Усманский и Шацкий уезды. В непосредственном ведении губкустпромсоюза остался только Тамбовский уездный союз кустарно-производственной кооперации и Рассказовский районный производственный союз кооперативов. Причем последний, как было сказано ранее, входил также в состав губсельскосоюза. 23 февраля 1923 года прошло объединенное собрание уполномоченных этих двух союзов, в ходе которого было принято решение о слиянии [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3322, л. 3]. 1 марта 1923 года устав нового Тамбовского районного союза кустарно-промышленной кооперации был отправлен на регистрацию в ГСНХ [Там же, л. 1]. Поскольку в новых условиях губкустпромсоюз потерял свою былую актуальность, 19 мая 1923 года произошло ликвидационное собрание его уполномоченных [Ликвидационное..., 1923, с. 5].

1 мая 1923 года новый зарегистрированный Тамбовский районный союз кустарно-промышленной кооперации включал в свой состав 35 первичных кооперативов с 1 690 членами [Грызлов, без года, с. 123]. Примечательно, что Рассказовское промышленное кооперативное товарищество кустарей-вязальщиков, которое некогда составляло костяк Рассказовского районного производственного союза кооперативов (по состоянию на 1 июля 1922 года из 4 951 членов союза 4 446 были объединены именно

в этот кооператив [Кустарные..., 1922, с. 2]), осталось в составе губсельскосоюза и не вошло в только что образовавшийся союз.

За время своего существования Тамбовский районный союз кустарно-промысловой кооперации провел ряд важных для развития кооперации мероприятий. Причем особое внимание было уделено рассказовским мастерам, для чего в этом селе было даже открыто отделение, подотчетное правлению союза и являвшееся «его посредником по нагрузке работой, снабжению средствами производства и сбыту изделий данного района» [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 1095, л. 4 об.]. Само же правление союза юридически было закреплено за г. Тамбовом [Грызлов, без года, с. 119].

Во-первых, для повышения производительности объединенных кооперативов в Тамбове были организованы овчинно-дубовый завод, мастерская валяльной обуви, столярная фабрика, жестяночная фабрика [Там же, с. 121]. Во-вторых, для кустарей были открыты два специализированных магазина. Один — «Кустарь» — в Тамбове, другой — «Универсаль» — в Рассказове. Эти магазины должны были предоставлять мастерам все необходимое для работы сырье и инструменты, а также скупать готовые кустарные изделия [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 1095, л. 4 об.]. В-третьих, велась работа по урегулированию вопроса налогообложения, предполагавшая, с одной стороны, разъяснительную деятельность в кустарной среде, а с другой — ходатайство перед местными и центральными органами власти о предоставлении дополнительных льгот. В-четвертых, было налажено сотрудничество с волостными органами власти.

Была активизирована деятельность инструкторов. Они принимали участие в выборах органов правления кооперативов, консультировали мастеров по юридическим, организационным и хозяйственным вопросам, вели обследование кустарного производства. Заметное внимание уделялось агитационной работе. Инструкторы занимались обустройством кооперативных уголков в избах-читальнях, организовывали кружки «кооперативных работников из среды наиболее сознательных работников на местах» [Там же, л. 5 об.], читали тематические лекции.

Постепенное восстановление экономики и активность руководства Тамбовского районного союза кустарно-промысловой кооперации привели к росту числа его членов. Уже 16 февраля 1924 года в его состав входило 47 первичных кооперативов с 2 193 членами [Там же, л. 5]. Причем можно обратить внимание на то, что деятельность этого союза осуществлялась в русле планов и начинаний губкустпромсоюза. И подобно своему предшественнику, новый районный союз просуществовал недолго. 5 сентября 1924 года прошло ликвидационное собрание его уполномоченных [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 25]. В итоге тамбовская промысловая коопе-

рация лишилась самостоятельных союзов и полностью перешла под контроль сельскохозяйственных союзов [Отчет о работе..., 1927, с. 53].

3.2. Промысловая кооперация в смешанных союзах

В вышеописанном случае деятельность кооперативного союза отражала интересы исключительно объединенных в него кустарей. Но в это же время промысловая кооперация входила в состав губсельскосоюза. И здесь удовлетворению потребностей товаропроизводителей явно уделялось меньшее внимание. Об этом свидетельствовали анкетные данные уездных и районных союзов, предоставленные в Тамбовский ГСНХ летом 1923 года. Моршанский, Кирсановский, Лебедянский союзы указали на отсутствие каких-либо заказов для промысловых кооперативов, в связи с чем последние теряли всякую заинтересованность в этих объединениях. Объяснялись подобные обстоятельства тем, что поступавшие заказы не предполагали сырьевого и денежного авансирования, и в условиях скудности собственных финансовых ресурсов руководство союза их отвергало [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, с. 21, 22, 28]. Но даже наличие заказов не гарантировало вовлеченность кооперативов в работу союза. Так, Липецкому союзу удалось наладить реализацию заказов, однако выполняли их не кооперированные кустари, а одиночки, работавшие на договорных началах и использовавшие собственное сырье [Там же, л. 30]. Попытки увеличить производительность мастеров также терпели неудачу из-за нехватки денежных средств. Руководство Кирсановского союза указывало на проблемы с окончанием строительства кирпичного завода. В то же время была действующая черепичная мастерская, но не хватало финансов для приобретения необходимого для производства цемента. [Там же, л. 22]. Очевидно, эти факторы и повлияли на уменьшение числа первичных кооперативов и их членов при слиянии двух видов кооперации.

Подобное положение дел сохранялось до 1925 года. Однако принятое делегатами XIV Всесоюзной конференции ВКП(б) и III Всесоюзного съезда советов решение о поддержке кустарей побудило правление губсельскосоюза уделять большее внимание промысловой кооперации. Например, Козловский союз пригласил на работу специального инструктора, который должен был заниматься непосредственно вопросами кустарного производства. Кроме того, планировалось заняться разрешением вопросов об отпуске кредитов для мастеров [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 138]. Примечательно, что в это же время прошло собрание уполномоченных данного объединения, на котором название «районного производственного союза сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации» было заменено на «союз кредитных и сельскохозяйственных кооперативов», поскольку в его составе преобладали именно эти виды кооперации [Отчет Правления..., 1925, с. 2].

Широкую программу поддержки запланировало правление Моршанского союза. Проанализировав специфику работы мастеров, оно пришло к выводу о необходимости предоставления разных видов кредитов: 1) краткосрочных (до года), 2) долгосрочных (многолетних, так как древесину, необходимую для производства, требовалось высушивать годами), 3) под товар (поскольку зачастую кустарные изделия имели сезонный характер, то мастеру предоставлялась возможность обменять их на ссуду до наступления подходящего момента для реализации на рынке), 4) полуфабрикатов с государственных предприятий (кожи для сапожников). Предполагалось также упорядочить процесс добычи мастерами местной древесины, так как в существовавших условиях мастера предпочитали отправляться за сырьем в другие губернии, а в целях удовлетворения потребностей сапожников в полуфабрикатах было предложено оборудовать пять кожевенных заводов. Важной задачей было налаживание сбыта готовых изделий через сельскохозяйственную кооперацию [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 133—133 об.].

И действительно, Моршанский союз вел работу по реализации задуманных планов. За 1924—1925 финансовый год для кустарей союзом было выделено 30 000 руб. и еще 18 000 руб. предоставил губсельсбанк. Однако этих начинаний было явно недостаточно, о чем хорошо свидетельствовала динамика числа кооперированных в уезде мастеров. В составе союза 14 августа 1923 года числилось 2 первичных промысловых кооператива со 124 членами; 1 октября 1924 — 5 кооперативов со 155 членами; 1 января 1925 — 9 кооперативов с 222 членами; 1 января 1926 — 13 кооперативов со 159 членами [XV-му..., без года, с. 79]. Число кооперативов росло, но вот о количестве вовлеченных в их работу людей такого сказать было нельзя. А если учесть, что согласно проводившемуся губстатбюро в 1925 году обследованию в уезде промысловой деятельностью занимались 3 937 человек, то окажется, что процент объединенных мастеров был крайне низок [Бюллетень..., 1926, с. 18, 19, 22, 23].

Несмотря на некоторые начинания уездных союзов в отношении промысловой кооперации, в целом органами правления уделялось этому виду кооперации крайне мало внимания. Так, в 1926 году губкоопсовет запросил данные о положении местных кустарей. Только три союза из шести действовавших: Тамбовский, Козловский и Борисоглебский — смогли представить требовавшуюся информацию, которая носила самый общий и к тому же устаревший характер [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 4046, л. 46].

В условиях того, что промысловая кооперация утратила собственное союзное объединение и входила лишь составной второстепенной частью в губсельскосоюз, логичным выглядит заявление автора статьи в газете «Тамбовская правда»: «Кооперирование кустарной промышленности про-

ведено у нас слабо» [А., 1927, с. 6]. В 1928 году по решению губкоопсовета вновь был создан губкустпромсоюз. Однако период его деятельность проходил уже в рамках коллективизации и индустриализации [П-ский, 1928, с. 4].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, одним из ключевых факторов, тормозивших кооперативное строительство в области промысловой деятельности населения губернии, было отсутствие специализированных союзов. После освобождения промысловой кооперации от опеки потребительской в 1921 году был образован губкустпромсоюз, правление которого, несмотря на глубокий экономический кризис, стремилось навести порядок в среде своих подчиненных. Однако постепенно этот союз стал распадаться. Во второй половине 1922 года произошло перетекание части уездных союзов, а соответственно, и входивших в них кооперативов в состав губсельскосоюза. А в 1923 году от губернии были оторваны наиболее значимые в промысловом секторе уезды. В итоге место губкустпромсоюза занял новый Тамбовский союз, районного значения. Но и он просуществовал недолго. С сентября 1924 года в губернии не осталось союзов, отвечавших напрямую потребностям промысловой кооперации. А промысловым кооперативам, входившим в состав сельскохозяйственных союзов, отводилась второстепенная роль. Новая попытка создать сеть промысловых союзов была предпринята только в 1928 году и была связана с начавшимися коллективизацией и индустриализацией.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. А. С. Наша кустарная промышленность / С. А. // Тамбовская правда : [газета]. — 1927. — № 75. — С. 6.
2. *Бюллетень* Тамбовского губернского статистического бюро № 8. 1-го июля 1926 года. — Тамбов : Издание Тамбовского губернского статистического бюро, 1926. — 128 с.
3. ГАСПИТО — *Государственный архив* социально-политической истории Тамбовской области. Ф. 842 (Тамбовский уездный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 1095.
4. ГАТО — *Государственный архив* Тамбовской области. Ф. Р-727 (Совет народного хозяйства исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 2241, 2268, 2819, 2831, 2834, 2838, 3322, 3325, 3499, 4046.
5. Грызлов П. Вся Тамбовская губерния : Справочная книга на 1923 год / П. Грызлов, М. Хрунов. — Тамбов : Пролетарский светоч. — 530 с.
6. *Краткий обзор* деятельности ГИК и его Президиума за 1921—22 отчетный год. — Без места и года. — 553 с.
7. *Кустарные артели* в Тамбовской губернии // Тамбовская правда : [газета]. — 1922. — № 164. — С. 2.

8. *Ликвидационное собрание уполномоченных Тамбовского губкустпромсоюза* // Тамбовская правда : [газета]. — 1923. — № 113. — С. 5.
9. *Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва*. — Тамбов : [б. и.], 1927. — 96 с.
10. *Отчет Правления Козловского кредсельсоюза за время с 1 янв. по 1 окт. 1925 года*. — Козлов : Типография при уездном исполнительном комитете, 1926. — 42 с.
11. *П-ский С. Организовать куспромсоюз* / С. П-ский // Тамбовская правда : [газета]. — 1928. — № 21. — С. 4.
12. *XV-му Уездному съезду Советов : Отчет Моршанского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с октября 1924 по февраль 1926 г.* — Моршанск : Моршанская типография уездного исполнительного комитета, 1926. — 91 с.

Литература

1. *Архипов В. А. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х годов* / В. А. Архипов, Л. Ф. Морозов. — Москва : Мысль, 1978. — 263 с.
2. *Бородулина Е. В. Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921—1923 годы)* / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 116—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-116-135.
3. *Бородулина Е. В. Промысловая кооперация Сибири на исходе новой экономической политики (1926—1929 годы)* / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 298—318. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-298-318.
4. *Бузлаева А. И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности* / А. И. Бузлаева. — Москва : Наука, 1969. — 175 с.
5. *Василевский П. И. Очерки кустарной промышленности СССР* / П. И. Василевский, Е. И. Шлифштейн. — Москва : Государственное издательство, 1930. — 293 с.
6. *Давыдов А. Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией* / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — 216 с. — ISBN 978-5-91419-488-5.
7. *Дмитренко В. П. Партия и кооперация* / В. П. Дмитренко, Л. Ф. Морозов, В. И. Погудин. — Москва : Политиздат, 1978. — 296 с.
8. *Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве : становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века)* / В. Г. Егоров. — Казань : Издательство Казанского университета, 2005. — 332 с. — ISBN 5-7464-1320-8.
9. *Козлов И. А. Революция, нэп и судьбы мелкого производства* / И. А. Козлов // Историческое значение нэпа : сборник научных трудов. — Москва : Институт истории СССР, 1990. — С. 61—85.
10. *Николаев А. А. Основные виды кооперации в России : историко-теоретический очерк* / А. А. Николаев — Новосибирск : Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2007. — 278 с.
11. *Свищев М. А. Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе* / М. А. Свищев // История СССР. — 1989. — № 1. — С. 3—23.
12. *Семина С. А. Деятельность Иркутского кооперативного кустарно-промыслового союза (вторая половина 1920-х годов)* / С. А. Семина. — Иркутск : Байкальский государственный университет, 2018. — С. 232—237.

13. Тихомиров В. А. Социалистическое соревнование и промысловая кооперация / В. А. Тихомиров. — Москва : Всекомпромсоюз ; Крестьянская газета, 1929. — 13 с.
14. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк : 1861—1930 / Л. Е. Файн. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2002. — 298 с. — ISBN 5-7807-0272-1.
15. Файн Л. Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е гг.) / Л. Е. Файн // Вопросы истории. — 1994. — № 9. — С. 35—47.
16. Фромметт Б. Р. Десять лет советской промысловой кооперации. 1917—1927 / Б. Р. Фромметт. — Москва : Книгосоюз, 1927. — 70 с.
17. Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики / О. В. Ягов. — Самара ; Пенза : Издательство Самарского научного центра Российской академии наук; Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского, 2008. — 335 с. — ISBN 978-5-93424-385-3.
18. Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет. / П. И. Яковлев. — Москва : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1957. — 51 с.

Статья поступила в редакцию 09.06.2024,
одобрена после рецензирования 12.09.2024,
подготовлена к публикации 19.09.2024.

Material resources

- A brief overview of the activities of the GIC and its Presidium for the 1921—22 reporting year.* 553 p. (In Russ.).
- A. S. (1927). Our handicraft industry. *Tambovskaya pravda: [newspaper]*, 75: P. 6. (In Russ.).
- Artisanal artels in Tambov province. (1922). *Tambovskaya pravda: [newspaper]*, 164: P. 2. (In Russ.).
- Bulletin of the Tambov Provincial Statistical Bureau № 8. July 1, 1926.* (1926). Tambov: Edition of the Tambov Provincial Statistical Bureau. 128 p. (In Russ.).
- GASPITO — *State Archive of socio-political history of the Tambov region. F. 842 (Tambov district Committee of the CPSU(b). Op. 1. d. 1095.* (In Russ.).
- GATO — *State Archive of the Tambov region. F.R-727 (Council of National Economy of the Executive Committee of the Tambov Provincial Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies).* (In Russ.).
- Gryzlov, P., Khrunov, M. *The whole Tambov province: A reference book for 1923.* Tambov: Proletarian light, without a year. 530 p. (In Russ.).
- Liquidation meeting of the authorized representatives of the Tambov gubkustpromsoyuz. (1923). *Tambovskaya Pravda: [newspaper]*, 113: P. 5. (In Russ.).
- P-skiy, S. (1928). Organize kustpromsoyuz. *Tambovskaya pravda: [newspaper]*, 21: P. 4. (In Russ.).
- Report of the Board of the Kozlovsky Credit Union for the period from January 1 to October 1, 1925.* (1926). Kozlov: Printing house at the county Executive Committee. 42 p. (In Russ.).
- Report on the work of the Tambov Provincial Executive Committee of the XII convocation.* (1927). Tambov: [b. i.]. 96 p. (In Russ.).
- To the xvth Uyezd Congress of Soviets: Report of the Morshansky Uyezd Executive Committee of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies from October 1924 to February 1926.* (1926). Morshansk: Morshanskaya printing house of the Uyezd executive committee. 91 p. (In Russ.).

References

- Arkhipov, V. A., Morozov, L. F. (1978). *The struggle against capitalist elements in industry and trade. 20th — early 30s*. Moscow: Mysl. 263 p. (In Russ.).
- Borodulina, E. V. (2020). Industrial Cooperation in Siberia at the End of the New Economic Policy (1926—1929). *Nauchnyi dialog*, 9: 298—318. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-298-318> (In Russ.).
- Borodulina, E. V. (2018). The First Steps of the Siberian Industrial-Cooperative Construction in the Context of the Transition to a New Economic Policy (1921—1923). *Nauchnyi dialog*, 3: 116—135. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-116-135> (In Russ.).
- Buzlaeva, A. I. (1969). *Lenin's plan for cooperation of small industry*. Moscow: Nauka. 175 p. (In Russ.).
- Davydov, A. Y. (2011). *Cooperators of the Soviet city during the NEP years. Between "war communism" and Socialist reconstruction*. St. Petersburg: Aleteya. 216 p. ISBN 978-5-91419-488-5. (In Russ.).
- Dmitrenko, V. P., Morozov, L. F., Pogudin, V. I. (1978). *Party and cooperation*. Moscow: Politizdat. 296 p. (In Russ.).
- Egorov, V. G. (2005). *Domestic cooperation in small-scale industrial production: formation, stages of development, nationalization (the first third of the XX century)*. Kazan: Kazan University Press. 332 p. ISBN 5-7464-1320-8. (In Russ.).
- Fine, L. E. (2002). *Russian cooperation: a historical and theoretical essay: 1861—1930*. Ivanovo: Ivanovo State University. 298 p. ISBN 5-7807-0272-1. (In Russ.).
- Fine, L. E. (1994). Soviet cooperation in the grip of the command and administrative system (the 20s). *Questions of history*, 9: 35—47. (In Russ.).
- Frommett, B. R. (1927). *Ten years of Soviet fishing cooperation. 1917—1927*. Moscow: Knigosoyuz. 70 p. (In Russ.).
- Kozlov, I. A. (1990). Revolution, NEP and the fate of small-scale production. In: *The historical significance of NEP: a collection of scientific papers*. Moscow: Institute of History of the USSR. 61—85. (In Russ.).
- Nikolaev, A. A. (2007). *The main types of cooperation in Russia: a historical and theoretical essay*. Novosibirsk: Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 278 p. (In Russ.).
- Semina, S. A. (2018). *Activity of the Irkutsk cooperative handicraft union (the second half of the 1920s)*. Irkutsk: Baikal State University. 232—237. (In Russ.).
- Svishchev, M. A. (1989). The experience of NEP and the development of small-scale production at the present stage. *History of the USSR*, 1: 3—23. (In Russ.).
- Tikhomirov, V. A. (1929). *Socialist competition and industrial cooperation*. Moscow: Vsekompromsoyuz; Krestyanskaya gazeta. 13 p. (In Russ.).
- Vasilevsky, P. I., Shlifstein, E. I. (1930). *Sketches of the handicraft industry of the USSR*. Moscow: State Publishing House. 293 p. (In Russ.).
- Yagov, O. V. (2008). *Handicraft and industrial cooperation of the Volga region in the context of the implementation of a new economic policy*. Samara; Penza: Publishing House of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. 335 p. ISBN 978-5-93424-385-3. (In Russ.).
- Yakovlev, P. I. (1957). *Fishing cooperation of the USSR for 40 years*. Moscow: All-Union Cooperative United Publishing House. 51 p. (In Russ.).

*The article was submitted 09.06.2024;
approved after reviewing 12.09.2024;
accepted for publication 19.09.2024.*